

Сверстник,

Сборник стихов.

1933

12.00
2

PK-2
C-242

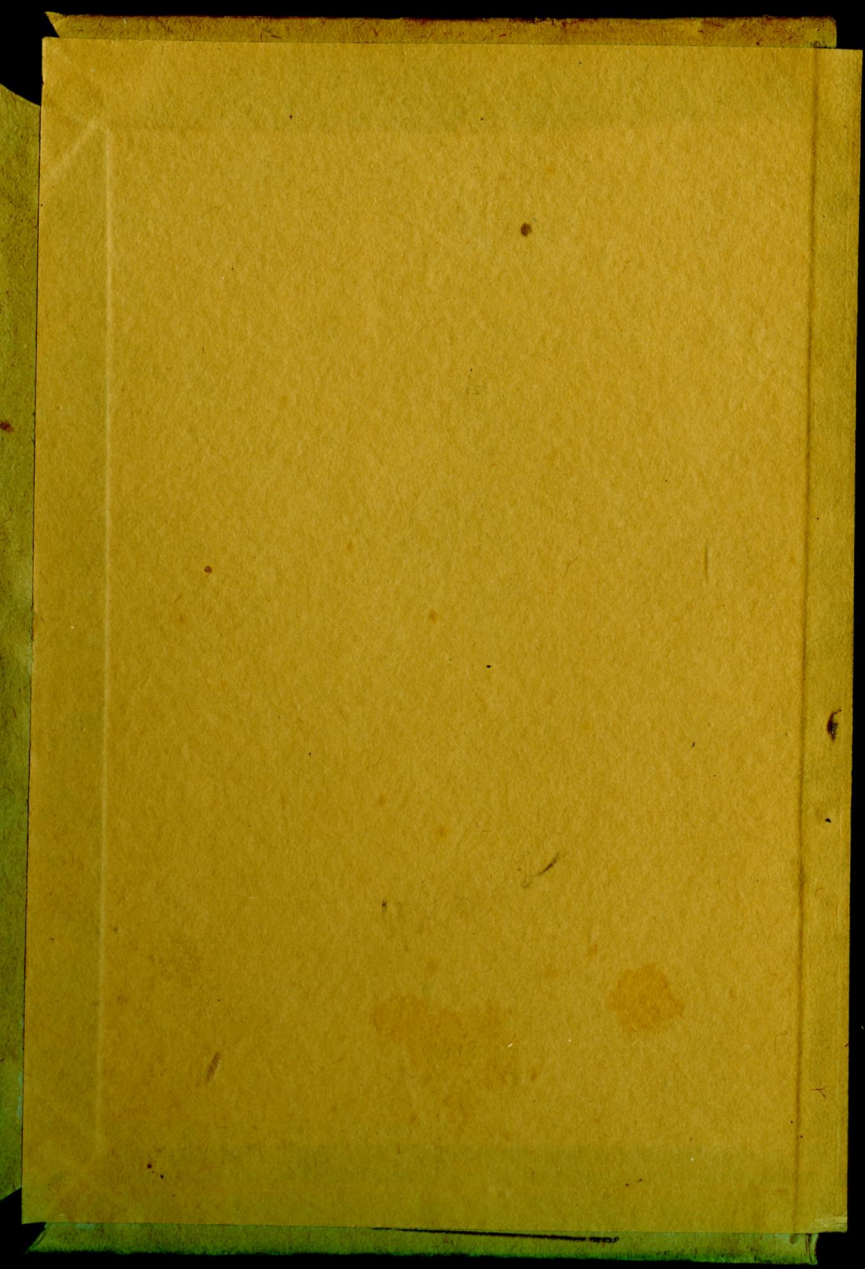
A569149

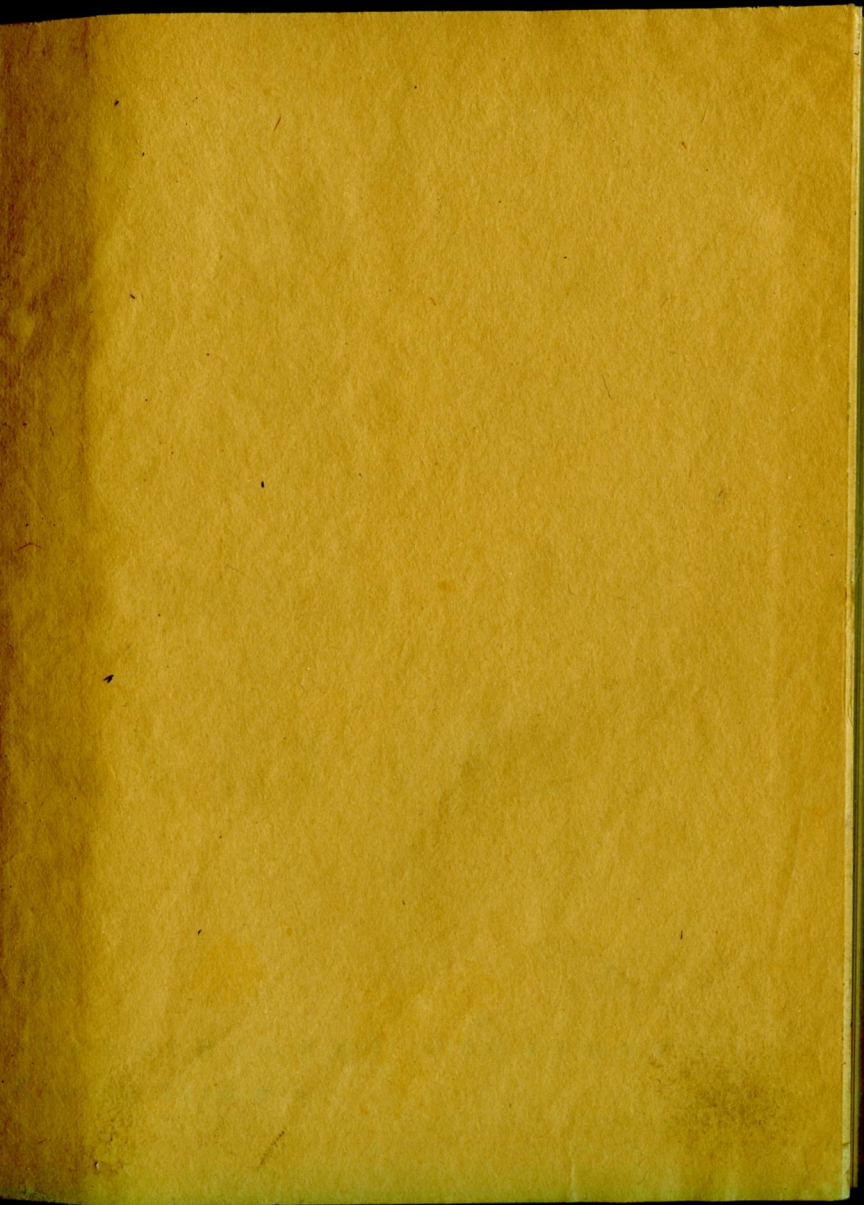
V.N. Karazin Kharkiv National University

01147713

2

Стор.

СВЕРСТНИК

СЕРІЯ
СВЕРСТНИК

„УКРАЇНСЬКИЙ РОБІТНИК“
Харків 1933 рік

СВЕРСТНИК

СБОРНИК
СТИХОВ

составили Б. Котляров, Г. Литван

Библіографічне описання цього видання поміщено в „Літописі Українського Друку“, „Картковому Репертуарі“ і других указателях Української Книжної Палати.

Зав. сектором *Езерский М.*
Редактор *Костюк Ю.*
Техредактор *Питкевич Л.*
Художник *Ферчук А.*

С-242-с
91899
295 295

Р.К.

Сдано в набор 18/Х

Подписано к печати 25/Х

Изд. № 79. Главлит № 5927: Тир. 2500—6 п. л. Зак. № 492.

Бумага: 3 л., ф. 62×94—38 кг. 1 бум. л.—111 тис. зн.

2-я тип. УПП ДВОУ. Харьков, Пушкинская ул. № 40.

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВ. БІБЛІОТЕКА

ХНУ ІМЕНІ В. Н. КАРАЗІНА

А569149

ЭТО НАШИ ПЕСНИ

Самая замечательная и отличительная черта всего сборника—это поэтическое единство его авторов, железной, неразрывной пуповиной связанных с нашим пафосом, героическим Сегодня; это бодрый, светлый оптимизм молодой страны социализма.

В „железках строк“, в широко растворенных бронхах поэтических ритмов волнуется лучистая кровь поэзии революционного гнева, проникая в самые глубочайшие поры многоликой прекрасной действительности нашей, питаясь ее животворящими соками, по-рубенсовски, по-фламандски брызжащими прозрачной густотой своих цветов, запахов и звуков.

Наша поэзия, наши поэты не знают разлада с действительностью. И в этом первая и главная победа нового мира. „Ты царь, живи один“,—провозглашал Пушкин.

Мир,—в котором кишмя кишат миллионы человеческих жизней, мир,

„где спаивают, просыпаются,
где общелягучестью эту икру,
зовут, обрядив ее, в паюсной“.

Мир „без всяких поводов“, загоняющий поэта на чердак беспредельного одиночества и распада, мир, врывающийся в поэтический альков болотной проказой оскудения и тоски,—что мог дать этот мир поэту, кроме чувства разлада и ненависти к деяниям „мелкого беса“ из царской охранки!

„О, нашей жизни скудная основа,
Куда как беден радостный язык!

Все было встарь, все повторится снова,
И сладок нам лишь узнаванья миг“.

Так писал Мандельштам, следуя тропами, проторенными всей буржуазной поэзией. Здесь в четверостишье лучше всего выражена философия „мигов“, которую создавал Брюсов и которая дошла позже до своего апогея: в самой откровенной художественной пропаганде махизма, поповщины.

Диктатура пролетариата в своем наступательном движении разбила всяческие перегородки, так или иначе отделявшие поэта от действительности.

Фарватер нашей поэзии, поэзии социалистической—не узкий мирок, не гниющая мансарда, задвленная медвежьей лапой обреченности и морального миазма. Нет, это сама жизнь—большая и неумная жизнь, как орган льющая миллионы звуков революционной патетики, жизнь создающая, утверждающая, творческая. Вот почему у нас исчезла возможность деления действительности на этажи, на „чистую“ и „нечистую“. Когда-то „язык богов“—наша, социалистическая поэзия все больше и больше становится языком жизни, воплощенной в революционные эмоции поэтических ритмов.

Сборник „Сверстник“ лишний раз этому блестящее доказательство.

Ударник, моряк, девушка-комсомолка, водители паровозов и тракторов—вот они люди, преобразовывающие действительность—нашу, и им, о них, для них поэты пишут стихи, художники—картины, музыканты громоздят глыбы kloкочущих, взволнованных контрапунктов.

Авторы сборника—поэты, выращенные Октябрем, многие из них воспитаны ленинским комсомолом на его боевых традициях. И не важно, кто тут старше и кто моложе. У всех одинаковое чувство и сознание перспективы, полновесная, зримая патетическая насыщенность молодого мира, побеждающего каракумские пустыни, упрямую при-

роду Ферганы, болота и камни Карелии, вековое упорство Днепровских порогов.

Поэты сборника „Сверстник“ не витают в облаках собственных измышлений, не блуждают в нирване минутных бредовых эксцессов, Их песни—сжатые картины молодости сверстников Октября, ровесников, взлелеянных суровой и нежной рукой нашей действительности.

Новый герой пришел в мир, герой социалистической эпохи. Он кладет бетон, долбит непокорные пласты угля, он сидит у руля трактора, он ведет поезда по необъятным пространствам нашей страны, он сегодняшний аспирант и завтрашний мировой ученый-академик; он сегодня из черного чудовища рояля извлекает звериную гармонию Бетховена и Листа, он пишет стихи, читает философские книги, сторожит границы страны своей и в колхозном доме коллективиста читает лекции по агроминимуму.

Вот об этом герое пишут наши поэты.

Вот этот герой, могучий вдохновенный образ которого проглядывает сквозь ритмы „Сверстника“, показан тебе ленинский комсомол, празднующий свое боевое пятнадцатилетие.

А. Пульсон.

Вот это, брат, и есть любовь. Когда ты видишь
чужого человека, который страдает, и сердце твое
сжимается, и ты чувствуешь, что хочешь помочь
ему, это и есть любовь. Она не требует ничего
за себя, она только хочет добра. Вот почему
любовь — это величайшее из всех чувств.
Она делает нас людьми, а не животными.
Она учит нас сострадать и прощать. Она
дает нам силы, чтобы выстоять в трудные
минуты жизни. Вот почему любовь — это
самое важное, что у нас есть. Без любви
жизнь теряет смысл. Вот почему мы должны
любить друг друга, как себя. Вот почему
мы должны любить всех людей, как братьев
и сестер. Вот почему любовь — это
самое прекрасное из всех чувств.

А. Писемский

Вот это, брат, и есть любовь. Когда ты видишь
чужого человека, который страдает, и сердце твое
сжимается, и ты чувствуешь, что хочешь помочь
ему, это и есть любовь. Она не требует ничего
за себя, она только хочет добра. Вот почему
любовь — это величайшее из всех чувств.
Она делает нас людьми, а не животными.
Она учит нас сострадать и прощать. Она
дает нам силы, чтобы выстоять в трудные
минуты жизни. Вот почему любовь — это
самое важное, что у нас есть. Без любви
жизнь теряет смысл. Вот почему мы должны
любить друг друга, как себя. Вот почему
мы должны любить всех людей, как братьев
и сестер. Вот почему любовь — это
самое прекрасное из всех чувств.

**СТОИТ НАША МОЛОДОСТЬ,
ГОТОВАЯ К ТРЕВОЖНОЙ КОМАНДЕ,
ГОТОВАЯ К БОЮ И К ПЕСНЕ...**

А. СУПРУНЕНКО

**ВМЕСТЕ С ОРЛАМИ
ПАРЯТ ДЕВУШКИ
НАШЕЙ СТРАНЫ.**

Взрезанный громами винта,
воздух качнулся, и вот
в розовом мареве старт
эскадрильи алижет.

Ты идешь по лоб,
щлем художественной рукой.

Девушка — смелый пилот —
режет концы облаков.

В беду увидишь Москву,
вспомнишь своих ребят,
споры и янтарь,

встретивший смехом тебя.

(Девушка летит — та же
Баба в деле полка!..)

С Варада грозная хмарь —
куда ты смилосерда, Варад!

СТОИТ НАША МОЛОДОСТЬ,
ТОТОВАРЪ И ТРЕБОВАНИИ КОМАНДА,
ТОТОВАРЪ И БОЮ И РЕЧЕ...

А. СУПРУНЕНКО

**ВМЕСТЕ С ОРЛАМИ
ПАРЯТ ДЕВУШКИ
НАШЕЙ СТРАНЫ...**

Взрезанный громом винта,
воздух качнулся, и вот
в розовом мареве старт
аэродрома плывет.
Ты надвигаешь на лоб
шлем худощавой рукой.
Девушка — смелый пилот —
режет кольцо облаков.
В бездне увидишь Москву,
вспомнишь свойских ребят,
споры и авиавуз,
встретивший смехом тебя.
(„Девушка - летчик — ха-ха!,
Бабье ли дело полёт!..“)
С Запада грозная хмарь —
руль ты сжимаешь. Вперед!

Выше — сквозь тучи, сквозь град!
Нервы в мотор включены.
Вместе с орлами парят
девушки нашей страны.

Одесса

И. СУХУНЕНКО

ВМЕСТЕ С ОРЛАМИ
ПАРЯТ ДЕВУШКИ
НАШЕЙ СТРАНЫ.

Воздушный трюм анта,
воздух кипит, и вот
в розовом наряде стар
задрожала пилота.
Ты надежда на доб
шане художественной
Девушка — смеется и шепчет
тебя, являясь орденом, кот
В стране ушедшей Москв
вспомнившие своих редк
свои и забывшие
встретившие своих тех
(„Девушка — летчик — талант,
надежда на добро, талант.“)
С Западом трюмлет и летит
руки так танкуют в воздухе

БОРИС КОТЛЯРОВ

Я БУДУ КРАСНОФЛОТЦЕМ

Ветер с посвистом за уши. Я стою на
корме.

Ветер песню — за плечи, за плечи мне...
И бурун

Со дна моря,
Из грохочущей тьмы

Встал за кормой,
Выше кормы...

... Говорили, не трепали,
Будто парень был, как парень.
С нами мерз у эстокад.
С нами спал на верстаках.
А теперь

Бормочут: „Что ж такое?
Понабрался, парень, от кого?
Был надежным,

Был покой, доколе
Да такую штуку отколел“.
Мы на юте стоим

Суровой гурьбой.
О товарище говорим
И качаем головой.

И от ветра седой командир на меня

Направляет два серых огня...
... „Мне, товарищ командир,
Факт не по нутру.
Я, товарищ командир,
Выйду поутру.
Посылайте, командир,
Меня хоть куда.

Обо мне,
Командир,
Не надо гадать...
Воевать мне не впервой, я ли убегу?
Я до этого еще воевал в цеху.
По моим родным цехам
Ходит душный дым.
Для прокопченных парней
Отвели сады,

Брюки в складку,
Ложка в театре,
Кружка молока,
Книга разломлена, распахнута река,
Много, очень много
Радостных дней.
Беспечная улыбка
У моих парней.
Но мы привыкли к приказам. И многие
и з молодых
Недопивали кружки
И покидали сады.
— В рудник,
— К басмачам,

— На прииски,

— В пустыню, где влага
суха.

Ребята до отказа выдержаны в цехах.
Имеется в стране Советов —
Должны быть вы убеждены —
Кроме всех достоинств,

— Это

Золотое качество страны.

А если парень не выдержал, разглядыва
вая смерть.

Если парень струсил, когда пришел мо
мент, —

Хрустнули коленки, дрогнул румянец
щек,

— Значит, в цеху красавца не просолили
еще..“

Он руку на плечо кладет

И смотрит мне в глаза:

„Утром завтра

Сможешь, друг мой, себя

Показать...“

Так окончилась встреча. Остальное

сказал уже:

— Я стою на корме. Ветер с посвистом
за уши.

Ленты, как песня, летят назад.

И ребята имеют золотые глаза.

ГРИГ. ЛИТВАК

НОЧЬ

Деталь

распирает тиски.

Мне сложная обработка доверена.

Чувствую каждым движением руки
ударного цеха

прямую уверенность.

Над ним —

лишь ветер да выкрики птиц.

В глазах беспокойных —

родной завод...

Настороженный шорох вечерних границ
слушает часовой.

Тревожное небо над нами плывет,
рабочая полночь над нами встает.

Свистом паровоза,
ударом отбойным,

разошлась
пограничная тишина,
брунжа сквозь мою деталь.
И воздух отхлынул, как перед грозой
наверно уже седлает коня,
быстро оглядывая горизонт
верная
смерть твоя!

А гудки
нагнетают большую тревогу,
форсированным шагом проходят полки,
и штатскую ночь с военной дороги
теснят к переулкам грузовики.

Шли эшелоны в грохочущей тьме,
а где-то лежал часовой непокрытый,
и казалось:

над миром
прозрачная смерть
дымилась, пропитанная ипритом.

За большим перегоном далеко,
плотиной
оседая за верстами в шумной игре,
уходил
широкий, неукротимый
недавно пущенный ДнепрогЭС.

*

Землею прошел дальнебойный гул.
Ты коня горячишь навстречу врагу!

Ой, неминуча
смерть тебе в бою,
под кадык отрубят
голову твою!
Ты отсюда
не ускачешь цел,
кучерявый,
не вернешься в цех!

Но ты
и не думаешь умирать,
ветер,
казалось, пригнул твою спину...
За веселых девушек,
Украину,
за родные цеха,
поседевшую мать,
за голодные годы
гражданских боев,
за босоногое детство твое,
из под
напильника
сочно течет
чугунная пыль по тискам,
и цех,
ударный цех,
горячо
стучит
у меня
в висках!

Харьков
1932 г.

БОР. КОТЛЯРОВ

ПЕСНЯ НА КРЕЙСЕРЕ

Веселый день гудит призывом
и волны гонит, золотя.
У моряков от бескозырок
на запад ленточки летят.

Врага разбитая эскадра
за дымный горизонт ушла.
Утихли выстрелов раскаты.
Снят окровавленный бушлат.

А ты, в бою под грохот гаубиц
пройдя кровавую игру,
лежишь распластанный на палубе,
открыв простреленную грудь.

Глаза закинута на клотик,
на неба выпел голубой.
А бодрый ветер треплет локон
над неостывшей головой...

За берегом, за степью жаркой,
за волнами шумящих вод
ревет гудками дымный Харьков,
литейный цех, родной завод.

Узнает там твоя бригада —
печаль застынет тенью глаз.

Но за опоками ребята
не ослабеют ни на час.

И бригадир, тобой любимый,
придет с упорством новым в цех.
Но ляжет лишняя морщина
на много видевшем лице.

А ты, в бою под грохот гаубиц
пройдя кровавую игру,
лежишь распластанный на палубе,
открыв простреленную грудь.

А ночь придет по морю темная —
тебя, отчаянья полна,
как ты, всегда неугомонная
возьмет крылатая волна.

Возьмет волна. Но смерть такую,
и смерть, и жизнь забыть нельзя.
Склонясь, Республика целует
твои закрытые глаза...

Веселый день гудит призывом.
А башни пушками глядят.
И от задорных безкозырок
по ветру ленточки летят.

ПАВЕЛ БЕСПОЩАДНЫЙ

НА ВАХТЕ

Я на прощанье сказал ей: „Чудная“.
Она улыбнулась. Пропала. Ушла...
И вот я на вахте сейчас вспоминаю
Далекую... Кутаясь в теплый бушлат.

У ног моих бесятся хмурые воды.
Колючие звезды плывут над штыком.
И близко, и к самому сердцу подходят
И трогают сердце зеленым огнем.

У взгорья за берегом, как терриконы,
Высокий маяк показался копром.
И падают волны—еще непокорные,
И ветер по волнам идет напролом.

(Так падает уголь в ударном забое
У ног победителей крепких пластов).
О, трезвая молодость бурь и прибоев,
Ты выступишь вахту. Ты выдержишь
шторм.

Шагай, боевая, спеши, штурмовая,
Ходками побед в забои—в бои!
Пусть ветер ворчит, гудит и взывает,
Но молодость вахту свою отстоит.

Пусть мрак проглотил непутевые звезды.
Надаром стою с винтовкой в руке.
Открою тревогу, и двинемся с грозной
Победной звездой на холодном древке.

И там, моя славная девушка, рядом
В юнгштурмовке цвета весенней травы
Ты будешь вести шахтеров бригады.

И штормы не выдержат сил штурмовых.

Донбасс

Ю. ЧЕРКАССКИЙ

СТИХИ О ВОЙНЕ

Тихий сад, где девушка простая
Подарила славные слова,
Где на каждой ветке вырастает
Изумительная синева,—
Он звенит руладами,—

И странно:

В этой чуть звенящей тишине
Опалили голову бураном,
Засвистели мысли

о войне.

Только в детстве,

только краем, краем,

Только дымом опахнув,

она,

Отблески в зрачках пережигая,

Уплыла за память, замирая

Эхом небывалых канонад.

И гражданской бури не изведав,

Не узнав волнений боевых,

Мы живем и чувствуем победу

В шуме

на окраинах кривых.

Мы растем, и время крепко учит

Брать наощупь каждый миг и день,

Учит быть горячим и кипучим
Жить борьбой

и запевать в труде.

И вращает в скрежеты железа

Наша молодая суета...

Только мы нередко любим грезить.

О веселом бешенстве атак.

Вот поем в труде

простую песню

И не знаем, думаем,—

кажись,

Молодой парняга прохрипел с ней,

Погибая за такую жизнь.

И в саду,

В приветливом бесшумьи,

В этой чуть звенящей тишине

Кружат голову большие думы,

Ветровые мысли о войне...

Будет вечер, не такой,

а лучший,

Грохотать над нами,

и ему

В дымовых, непроходимых тучах

Заводить игру и кутерьму.

Ге-ей! И в наши здания вольтуются

И влетят вечернею порой

Ветры небывалых революций,

Зашумят

и спросят наш пароль.

Мы ответим:

„Молодость и сила“.

И война, событиями пестра,

От рабфака,

от станка,

от милой

Унесет под вызвоны пространств.

Донбасс

ДАВИД БИРГЕР

ПАМЯТКА ОСОАВИАХИМОВЦА

Ты спишь,
и снится чужая земля—
Скажем—
миндальные рощи Италии.
От запаха горького миндаля
Сердце разбухло.
Распухли миндалины.

Очнись!
Это пахнет свастикой черной,
Той, что чернее
зрачков итальянок.

Воздуха!
Нашего!
Сдавлено горло,
Отравленное парами циана.

А вдруг затоскуешь
о ветре весеннем:

Ах, мерзлые солнца моченых яблок!
Ах, запашок подопревшего сена!

Ты опоздаешь к началу смены.
Зевота. Истома. Руки ослабли.

Врывается в комнату зябкий зяблик.
Кувыркаясь, падает
на пол,
на-бок.

Запомни ты
дуновенье фосгена.

Слободка закатом смертельно ранена.
Газ кисел.

На стенке „Розита“.

Пахнут чудовищные герани
Из невысоких окон раскрытых.

Ты в слезах задыхаешься
от дыханья

Давным давно забытого быта.

Запомни! Запомни!

Минута внимания!—

— Запах льюизита!

1. ПЕРВАЯ КОНЦОВКА

Значит, не верь
дыханью врага ты.

Помни о том, что подчас
и у нас

Волнами душистого аромата
Подкатывается
удушливый газ.

2. ВТОРАЯ КОНЦОВКА

Ноты. Приветствия.

Выверты лисьи.

Паркетный лоск

парламентских лысин.

Но цепная гроза

сторожит горизонт

И ворчит у военных заводов „Крезо“.

И двинутся в ход

к перемене погоды,

Чтоб смертью республику окатить,

Шрапнельные флаконы

заводов „Шкода“

И ароматные гранаты

с фабрик „Коти“.

Но когда бомбовозы пойдут грозиться

И хлынет

из Праги,

Парижа

и Ниццы

Парфюмерия господ отравителей,—

Ветер, дежурящий на границах,

Двинет миндаль

и герань

и горчицу

Обратно—

По адресу отправителей.

Киев

НИК. УШАКОВ

КРАСНОФЛОТСКАЯ

Морю не спится
от грозных погод.

Наши эсминцы
идут в поход.

В брызгах
и каплях
сумрак повис.
Каждый корабль
и вверх
и вниз.

Много-ли,
мало-ли,
влево,
вправо.
Плаваем,

плавали,

будем плавать!

В машинных—жарище,
в воздухе—лед.

Чего они ищут
ночь напролет?

Пенные горы—
страна зыбей—
полный короб
врагов и друзей.

• Много их,
мало-ли

слева,
справа?

Плаваем,
плавали,
будем плавать!

Командам не спится
от непогод.

Вышли эсминцы
в учебный поход.

Сколько их?

Сколько—

тайна моя.

Скользкая,

горькая

брызжет струя.

Много-ли,
мало-ли:
наше право.
Плаваем,
плавали,
будем плавать!

Выпьем поэтому
за молодых—
шапочки цвета
ночной воды.

Выпьем за молодость
„стариков“—
звезды
и золото

вдоль рукавов.

Много-ли,
мало-ли:
наше право.
Плаваем,
плавали,
будем плавать!

Киев

В. АЗАРОВ

КОМСОМОЛЬСКАЯ УДАРНАЯ

Комсомольский запеваля

Крой, да не сплошай.

Чтобы песня не сдавала,

Рота, подпевай.

Припев: Все готовы в бой мы

За советский край.

Четыре в обойме,

Пятый заряжай.

Ходят танки за оградой,

Все мы на чеку.

Комсомольская бригада

Первой будь в полку.

Припев.

Комсомольцы, на плацдарме

Бей мишеням лбы!

Мы застрельщики ударной

Боевой стрельбы.

Припев.

Комсомольская пехота

Крой на чистоту.

Вызываем вашу роту

Мы на частоту.

Припев.

Комсомольцы режут тропы
Летом, мимо круч.

То ли бой под Перекопом,
То ли помнит Збруч?

Припев.

Если грянет в наступленье
Люизит на нас,
Кто проворнее наденет
Свой противогаз?

Припев.

Слышен гром орудий вражых,
Виден черный дым.

Если снова нам прикажет
Ворошилов Клим,—

Припев: Все готовы в бой мы

За советский край.

Четыре в обойме,

Пятый заряжай.

Одесса

Ю. ЧЕРКАССКИЙ

ПОХОД

Тропинка юлит молчаливо, хитро,
извивом язвит.
Только нам не с ней.
Мы выбираем такие из троп,
Которые правильной и честней.
В нас пыл военный еще не остыл.
Озеленясь маскировкой кустов,
Мы неприятеля
из холостых
Условной пулей
снимаем с постов.
Нет! Не напрасно учили мы
Тактику боя, в полях пыля.
Теперь героями, чорт возьми,
Идем в затуманенные поля.
За шорохи в ночь неприятель ушел,

Спина упирается в сумрак густой,
И командир говорит: „Хорошо!
Устроим привал!

Разводи костер!“

Теплое слово такое —

„привал“.

Рыжий огонь ведьмоват, космат,
И эта ласковая трава,
Степная шерсть,
Не трава — кошма.

Тогда у огня, где итги речам

Под взрывом смеха,

тогда у огня

Почувствуешь,

как горячо плечам

От жаркой обнимки тугого ремня,
И вспомнишь, что это еще урок,
Что время такое

неустанно зовет

Вчера несобранный станок
Завтра наладить и двинуть в ход.
Что можно еще соловьем свистать,
Бродить наугад по ночи слепой,
Что в неприятелях нам подстать
Ребята веселые из депо.

А все-таки глазом обшарь кустье,
А все-таки ухо настрой остро.

Степная ночь, навалясь на костер,
Гортанным рогом торопит в строй.
Ночь походная, ты права,

Твои большие ветры бодрят.
И должен кончиться наш привал,
И должен строиться наш отряд.
Походная ночь, ты очень права.
Уже кончается наш привал,
А перед нами тяжелое дело.
Так, что ж?

Значит жги,
обдувай,
обдувай

Мое невоенное, штатское тело.

Донбасс

СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ ТИШИНА

Одна за другой
прибежали четыре волны,
Четыре
неповоротливых и утомленных.
О скуластые скалы,
о лобастые валуны
Осыпался в море
соленый звон их.
Мохнатые сумерки
берег и вечер заштопали.
За вахтами звезд—
засыпающая вышина...
Ребята!
Вы слышите, над крышами Севастополя,
Над бухтой, над мачтами—
подымается тишина.
Она разбегается в воздухе звонким кругом,
Не потревожив созвездий,
не тронув облаков.
И я ощущаю:
Юность моя, у которой упругие руки,
В широкоплечую молодость
перерастает легко.

тридцать первого года,
Которому посевы озимые согреть
И таять весной, обнажая густые зеле-
ные всходы,

На уверенный снег
тридцать первого года

Ступают ребята, и заманчивый отдых
Простирает навстречу тепло и кровать.
Хорошо.

В железо вгрызалась моя зарубка,
и вплавлен в зарубку
сварочный шов.

О, юность моя, у которой упругие
смуглые руки,

Над которой отчаянный ветер прошел
Которая трудится и живет
Хорошо.

Хорошо.

Начинается молодость.

И в военкомате
Заботливо выписан ей
военный билет.

Стоит моя молодость,
готовая к тревожной команде,

Готовая к бою и к песне,
Готовая умирать и болеть.

Но бухта, но море бубнит
за бортом у брони.

И полночь проходит над водами,
над берегом трав,

Из множества звезд ни единой не об-
ронив,
Ни дыминки, ни облака не растеряв.
Но от зноя глаза
едва ли не выплакав,
Магнитогорцы начинают
чугунную выплавку.
И бессоница пламени
рвется из топок Республики.
Окаймленная багрянцами стоит вышина.
Фарватер открыт.
Но спят настороженно кубрики.
И, как знамя,
спокойное и большое
подымается тишина,

Севастополь — Харьков

В. КОНДРАТЕНКО

ПЕРЕД МАНЕВРАМИ

Торпедные занятия к марту
Закончить мыслил командир,
Он покрывал значками карту
И в ночь эскадру уводил.

Эсминцы развивали скорость,
Встречало море бурным ливнем,
И наши двигались линкоры
И незамеченные шли в нем.

*

Я слышу сирены тревожный гуд,
Взрывы, рвущие воду.
На суше готовят отпор врагу
Товарищи по заводу.

Та, с которой дружил и рос,
Натягивает противогаз.
Условно подстреленный бомбовоз
Уходит на спуск от нас.

Дружно рабочих гудят шаги.
Ветер полон бензинной гари.
В ночь громяют броневики.
Светлые полосы в тучах шарят.

Но выстрелы синих становятся глуше.
Смолкает в ночи орудейный хор.
Их отряды покидают сушу,
И курс корабли берут на Босфор.

Утихли звонков электрические нервы,
Боевой тревоги затихал порыв.
Наступала заря. Победителям верное
Подымало солнце свои пары.

Белесые горы вставали с востока,
И штурман угадывал песню мою—
Он знал, что идущий вдали Севастополь
Всегда отстоим в настоящем бою.

Харьков

МАРК ШХТЕР

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

За моря - океаны идет сухопутная песня,
От любезных шелковиц, от сутемы
брянских застав.

И, поднявшись над морем, читает
седой буревестник

По складам эту песню, ее нерушимый устав.

Но старинной листвою прядают
шотландские рощи.

Робин Гуд, Робин Гуд поднимается
на короля...

Это ходит история, оставляя стремительный
росчерк,

И рождает Кромвеля, и теряет кор-
мила земля.

Восемнадцатый век... Деятнадцатый...
Казни и козни.

Пьют матросы в тавернах. Дурную
планиду клянут.

Клерки. Лавочка древностей. Диккенс.

Он ясно опознан.

Милый Диккенс, я вам остальной
доверяю уют!

Королевская биржа. Банкноты.

Фальшивки.

Пресловутою Темзой мятежные

катятся сны...

Заседает Антанта, и ветра английского
привкус

Славен кровью рабов и проклятьем
грядущей войны.

Так пируют во время чумы под
угрозою пули.

(Консерваторы трут недовольно
ладонь о ладонь).

Фунты в весе теряют, меж тем

как уже в Ливерпуле,

Между тем, как в Манчестре

стачек сочится огонь.

И аббатства трясутся в фашистской

глухой лихотке,

И индусское солнце сюда от Бомбея

спешит,

Самолеты взлетают под тучи,

в землю вгрызаются танки,

В просторных ретортах безумствует
чортов иприт.

Пролетарии Лондона, головы выше
несите!
Бирмингам поднимает тяжелое зна-
мя гудков,
Над тщетой Скотланд-Ярда, над
кварталами шумного Сити
Разрастается звонкий, доселе не-
слыханный зов.

Безработные полчища — скоро при-
будет работы!
Вся страна, как огромный, покры-
тый туманами гроб.
От зари до зари, до огня человече-
го пота
Трудным кайлом стучит и вещает
грозу рудокоп.

Низкий берег заставлен судами с
пенькой. Остров скован.
Над Ламаншем черно от зловещей
игры батарей...
Но от башен Кремлевских доно-
сится грозное слово:
— „От тайги до Британських
морей
Красная армия всех сильнее“...

Днепропетровск

В. КОНДРАТЕНКО

ТАВЕРНА

В мертвый океан пристально
Всматривается матрос.
Медленно от пристани
Идут огоньки папирос.
В таверне „Веселый филин“,
Покрытые грязью и потом,
Рабочие с лесопилен
Случайную ждут работу.
Завтра последним франкам
И хлебу придет каюк.
В порту остановит краны
Хозяин контор и кают.
Колонами демонстраций
Еще оживут кварталы.
С фашистами расквитаться
Рабочие не запоздали.
Шпиков матрос не дрейфя
Кладет на листовку кулак
И делит с рабочими верфей
Новости и табак.
Они приходят с глухих окраин,
И дверь пружиной поет.
Увертливей крысы хозяин

Меж столиками снует...
Матросу горло сжимают спазмы,
И он говорит: „Я к бою готов!
Только в России энтузиасты
Знают рождение городов“.

Харьков

Лавренко

Вспомнил я давно, как в детстве
Вспомнил я давно, как в детстве
Маленького приятеля
Никогда не забуду
В детстве „Веселый фильм“
Помню, ты трясся в поту,
Работа с персонажем
Самому жуть работу
Звезда последний француз
И хвост у тебя как
В порту оставил ивану
Хозяин котур и котур
Колонна демонастрия
Еще омолод ивосту
С фантомом востановит
Работа не закончена
Шинков котур не дриф
Кадет на востанку хвост
Н. дельт е работни верфей
Новост в твоем ивосту
Он приходит с востанку котур
Н. дельт е работни котур
Хвосту котур котур

3. КЛЦ

„ПРЕЗИРАЮ СМЕРТЬ“

(Глава из поэмы „Утро Германии“)

Еще далеко

до зари,

еще высоко

до зари.

Родина!

Поговорим.

Ты спишь, безработных

покоем дразня,

но когда человек

покидает родину,—

даже такую! —

его обступают друзья

дорог забытых и пройденных.

Конечно, пришли, и вот:

серебрится

блондинная чолка

веселого Фрица.
— „Фриц!
Ты помнишь,
в садах блондинных
мы дышали
в походах
осенней прелью.

И в день войны
у Рейна на льдинах
качалось веселое
солнце апреля.

Мы шли,
опьяненные чадом нации,
грызли сухие
корки галет.

И упали надломленные
все девятнадцать
твоих гимназических лет.

Фриц!

Ты все-таки
сын рабочего,
пусть отданный
в бюргерскую гимназию,
помнишь: газы...

Смерть подымалась воочию
и тяжелыми космами
падала наземь.

В грубые ящики
клали трупы
подряд,

по́ росту не примеряя,
у тебя в ресницах
каплями крупными
слезы.

— За что умираем?
И ты припадал к моему плечу.
— Смерти боюсь,
умирать не хочу!

*

На пороге
тебя зашатала усталость.
Встретила
твое возвращение
инвалидная, отцовская
старость,
зовущая к отомщению!
Дети плакали.
Молока им...
Маленький Вальтер!
Крошечная Кете!
Но работы нет.
Охраняют локаут
штрейкбрехерские пикеты.
Так!
Дорога суровая и прямая,
по ней, вырастая и задыхаясь,
кровью расстрелянных истекая,
отстреливаясь, бежало
Первое Мая!

штабы от запаха войн
свирепеют,
шансы войны
обсуждая и взвешивая.

Густав оглянулся—
никого нет,
но Ремарк в эту ночь без сна.
Застойная тишина
залила его кабинет.
Густав остановился.

*

Небо ультрамаринное
проплывало над домом

Германа Грина,
Густав оглянулся:
спокоен дом.

А рядом
без хлеба,
без солнца
ночуют и днюют

на бульваре сыром
безработица и бессонница.
Бессонницу эту

Густав осязает
накалом хрупких висков.
Поднялись твои этажи,
хозяин,
заманчиво и высоко!
Вы спите,

хозяин черного руна,
антрацита, руды.

И бессменно
ваш сон бережет

                  неусыпный Брюнинг,
разводящий в ночь

                  полисменов.

Вы спите,
                  хозяин.

                  Катятся за полночь
двенадцать ударов,

                  медных и круглых,
но ветер хватает

                  Густава за полы,
Но ветер хватает

                  Густава за руки.
Вы спите, хозяин,

                  но порохом обвеяны
и сон и покой ваш

                  обманчивый,
на лапах железных

                  ползут конвейеры,
грудастые танки

                  выняньчивая.
Вы—старый мастер

                  кровавой игры,
но вы задыхаетесь,

                  Герман Грин.
И это

                  последняя будет игра.

Кряхтя, подбирается
к тресту крах.
Ведь круто обрывается
запутанная тропа.
Даже небо облетевший
юркими эскадрильями,
кризисом подбитый,
„Юнкерс“ упал,
компаньонов пришибая
широкими крыльями.
На шахтах Грина
не будет стекать
уголь с конвейера;
за копрами куцыми
по самые плечи
в угле стоят
широкие кованные
конструкции
погрузочных эстокад.
Зачем
он нужен,
твой антрацит
высококачественного сгорания,
если домны
свои гасит,
если сердце
свое гасит
Германия?
Не нужен уголь.
Но Герман Грин—

моя страна,
штыками горячими
оперенная.
Эта будет последняя
их война!
И наша последняя
оборона!
В ударный цех
рассвет придет
багровый, тревожный
рассвет границы,
но будет железо
упорно граниться,
и станки
не замедлят ход.
Рота сформирована.
И провожать ее
вышли ударники
всех цехов,
прошли по шеренгам
рукопожатья
и теплая бодрость
прощальных слов.
Дорога кривая!
Граница польская.
Ударит боя
густое пламя,
бригада моя комсомольская,
подымай же
кривую плана!

И ладонь товарища
крепка и тепла,
он говорит:

— „Мы поднимем план“,

И сердечный огонь
на слова раздробя,
за себя он ручается
и за ребят.

— Сквозь песню и ветер
военных погод,
слушай, товарищ,
и не плошай!

Станки наши, пущенные
на самоход,
вращают

тяжелые солнца
планшайб.

Но ладонь товарища
крепка и тепла,

— Мы,—говорит он,—

поднимем план.

Мы делим заботы
страны пополам:

вам—оборона,
нам—план.

Две кривые—
дорога войны кривая,
которую яростно
перекрывают
ошметесь дыма

и горькое пламя;
вторая кривая—
кривая плана,
где в каждый
вверх идущий
изгиб
вложены мускулы мои
и мозги.

Тень штыковая
наискосок
скользит
по дорожному гравию,
шагаю дорогой,
плечист и высок,

и этот
поэмы военный кусок—
кусок
из моей биографии.

Это будет.

И цех ударный
готов перестроиться
шеренгами рот.

Шагаем,
огнеупорные парни!
Нас бой не берет
и смерть не берет!
Вернемся к поэме. День
подымается белым,
высоким пламенем
над ровным,

степным гудением,
над аэропланами.
Поэма разворачивается.
Залп!..
И снова просторно
и тихо стало
Встретились мои глаза
с глазами Густава.
Я знаю, Густав,
что рядом с тобой
в разлеты военных рассветов
мы выйдем и примем
последний бой,
последний бой
за страну Советов!
И нас
пулеметным огнем
не сместь,
не задушить
нас газовым дымом,
мы выйдем в бой,
презирая смерть.
высоким презрением
непобедимых.

Харьков
1930 г.

Ю. ЧЕРКАССКИЙ

РОДИНА

За слюдою озер,
за следами оврагов и рытвин,
знай, стоит твоя Рита,
до стона губу прикусив.
В синеватом тумане
стоит безработная Рита,
у которой ни денег,
ни хлеба,
ни сил.

Но прощальное слово
давно поезда отсвистали,..
Механический цех
удивительным утром расцвел.

Он хрустит чугуном
и порошит крупинками стали,
с толкотней фрезеровщиц
ведет удалое родство.
Там привычно и густо
кучерявится небо дымами,
и ложится на крыши
продымленная заря...

Неужели не жаль тебе
старых кварталов Германии.

где росли твои деды,
берлинские слесаря?!
О, родина, Deutschland!
В такую рассветную пору
по серым кварталам
шагают к заводу друзья,
но Ганса и Фрица
встречает приказом контора,
что сильным трудиться
в Германии больше нельзя.
О, родина, Deutschland!
Отец

под расплавленным солнцем
за то, чтобы бюргеры
жрали и пили вино,
волочит обрубки
войной искалеченных ног.
О, родина, Deutschland!
Еще он вернется, вернется
советские флаги
нести над ожившей страной.
А здесь, где атака
идет в пневматическом треске,
где люди в труде
забывают семью и покой,
ему поручают
рабочие планы и место,
включают в шеренгу
плечистых кадровиков.
Слова незнакомы,

и люди еще незнакомы,
но простая улыбка
на лицах у слесарей.
Да и как передать,
Комаров, председатель цехкома,
молодое пожатье колючей

ладони твоей!

Производственный день
разрастается
яростно жгучий,
и сочное солнце
мелькает во-всю на шкивах...

Принимай его, родина,
ставшая первой и лучшей—
он приходит к тебе,
до локтей засучив рукава!

Донбасс

**И ТЕПЕРЬ, ДА РАЗВЕ МЫ НЕ РАДЫ,
ЕСЛИ, СЕРДЦЕ ПЕСНЕЙ ПРИПОДНЯВ,
ВОЗГЛАВЛЯЕТ ЛУЧШИЕ БРИГАДЫ
ВЫКОВАННЫЙ В ШТУРМАХ МОЛОДНЯК**

МЫ ПРИЩЛИ

Наша-ль культура достигла?
Мы живем в горном краю, сад
Мы прищли, чтоб горы сдвинуть,
Обуздать, вырвать реки
Совлада, под тяжелой ношей
Родились под острым лезвием,
Чтобы жизнь была хорошею,
Народом своим
В этой жизни, перестроим
Будет счастье народа,
Устроит, где будет стойким,
Устроит, где в стройку верим,
Путь, делом, делом своим,
Эту, общую работу —
Никому мы не чужды,
Пускай одним путем,
Труд отработаем, труд отработаем.

ВЫНОВАНИИ В ШТАТМАХ МОЛОДЫХ
ВОЗПАРЯЕТ ДУШИЕ БУЛАДЫ
ЕСЛИ СЕРДЦЕ НЕЖЕН ПРИНОДИЯ

П. БЕСПОЩАДНЫЙ

МЫ ПРИШЛИ

Наши-ль мускулы остынут?
Мы живем в горячем веке.
Мы пришли, чтоб горы сдвинуть,
Обуздать шальные реки!
Родились под тяжкой ношей,
Родились под острой плетью,
Чтобы жизнь была хорошей,—
Переделаем столетья!
В этой ломке, перестройке
Будут близкие потери.
Устоит, кто будет стойким,
Устоит, кто в стройку верит.
Пусть ценою крови купим
Эту общую работу,—
Никому мы не уступим,
Политое нашим потом.
Труд огромен, труд огромен,

И упрямы постройки камень,
Ставим в строй отряды домен,
Ставим вместе с рудниками.
В миллионном рук порыве
Рудников, заводов, пашен,
В неустанном коллективе—
Радость наша.
Счастье наше.
С этой силой, с этой волей,
Без упреков, без боязни
Мы дойдем до лучшей доли,
Мы устроим стройки праздник!
Здесь трамбуем, тут разроем —
Что пригодно, что на сломку.
Мы пришли ломать и строить
Мы пришли любить и комкать!
Пусть размочен кровью цемент,
Пусть постройку кроем потом,
Нам вздыхать и ныть не время
На ответственной работе!
Наливайся сталью, мускул,
Стройной музыкой звени там.
Нам нести, нести нагрузку —
Из железа и гранита.
Наши мускулы не стынут,
Мы живем в горячем веке,
Мы пришли, чтоб горы сдвинуть,
Обуздать шальные реки!

Донбасс

УТРО В ПРОВИНЦИИ

А рассвет подымался
над самой, над крышей
В нашем городе высшей гостиницы „Ницца“
Он базаром гуторил—
И не был услышан.
Он трамваем звонил—
И не мог дозвониться.
Ведь меня еще ночь сторожила в бессон-
нице
Позавидовав мерному выстуку пульса.
... Но рассвет на меня уже
выкатил солнце,
Он гудками, как вешнею бурей,
Прошелся
Над моей головой...
И тогда я проснулся,
И тогда я увидел, как строчки приказов
Расписанием день наступивший вздымают,
Как рассвет сквозь туманы вломился,
и сразу
Он ворвался на улицу „имени Мая“.
Утро. Свернутый завтрак
гнездится в кармане.

И рубанок,

и должное место на сваях.

И для них

неожиданно так и упрямо,

Оперяясь над суетой перекрестной,

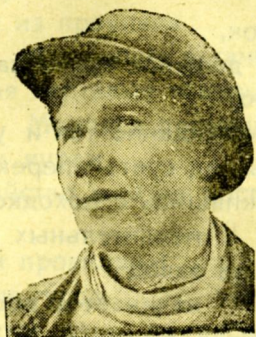
Не сдружившись с походкой

медлительных ямбов,

По пути на завод

начинается песня.

Донбасс

АЛ. ВЕРНЫЙ

ОБЯЗАТЕЛЬСТВО

Я присягаю,
        партия,
        тебе,
        тебе,
        комсомол
        и страна Советов!

Получая
        новый
        комсомольский билет,

Оправдать
        высокое право на это,

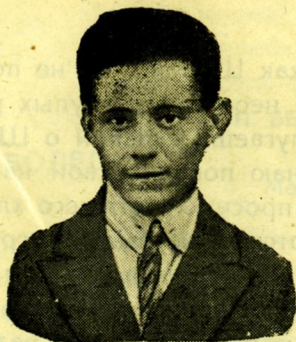
Как бы ни были молоды
        мои лета,

На каждом шагу
        идущего
        штурмом боя
        отвечаю:

За каждую бракованую
деталь,
За каждый
поступок,
сделанный мною.
Я знаю —
недаром
он в руки мне дан.
Это —
обязывающая награда
За утроенный
натиск
на промфинплан
С кадровиками,
стоящими
рядом!
Осмысленность
каждого
большевистского дня
Для комсомольца —
решающее значение.
Всю силу мозгов
обязуюсь
поднять
На высоту
марксо-ленинского
учения.
Время приказывает
— на изготовку!
— К обороне готовься

и ночь
и день!
Обязуюсь
учиться,
владеть,
винтовкой,
Противогазом
учиться
владеть!
Я присягаю,
партия,
тебе,
тебе,
комсомол
и страна Советов!
Получая новый
комсомольский билет,
Первым взносом
будет —
Это
мои
широкие
20 лет!

Николаев

ИЛ. ФАРБЕР

КРИВАЯ ПОБЕДЫ

В твою нелюдимую ночь я вхожу,
И черная пыль оседает на веки.
Ослепшие лошади ласково ржут,
Гремя и грома вагонетками штреки.
Летит, улюлюкая, коногон.
Он скорчился весь, к углю пригнулся.
Колеса из рельс вышибают огонь,
И кровь, как метан, набухает у пульса.
Я щупаю кровлю. Кровля крепка.
Стойко уперлись упрямые стойки.
По влажной породе скользит рука,
Попавшая все-таки в эти строки.
Две тысячи метров земли надо мной,
Спрессованные тысячелетями туго.
Глаза хоть выколи, всюду темно.
— Где ты лежишь, притаившийся уголь?
Я все равно отыщу тебя.

Меня, как Шубина, ты не погубишь!
Только неопытных, глупых ребят
Ты испугаешь сказкой о Шубине.
— Я знаю повадки твои наизусть.
Кайло просит хрустящего хлеба.
Меня отсюда не выгонит грусть:
О голубином и девственном небе...
— Стой! Я нашел тебя, хитрый пласт.
Ты по-домашнему здесь разлежся.
В доменной башни багровую пасть
Падают бурые комья колеса.
Брызжет огонь. Взрывается гул.
Бегут горновые от выбитой летки, —
К плотным изложницам рвется чугун —
Знойная, черная кровь пятилетки.
А под землю поют листы
Неугомонных, как юность, конвейеров.
Врубовки роют кротами пласты,
Кретильщики стойки вбивают уверенно.
Штреки, как змеи, ползут вперед.
Злобно врываются в недра, забои,
Глея над рудником выше растет...
Мне хорошо и легко дышать.
Стих мой, гуди оркестровою медью!
Черная родина домен и шахт
Поднимает кривую победы.

П. БЕСПОЩАДНЫЙ

КОНОГОН ЗАБОЛЕЛ

Моему „Стрепету“

Ноет, ноет дрянной мой бок,
Скоро легкие кашель вынет.
Смерть острит на меня „зубок“,
Словно уголь пронзит навывлет.

Мне одну только шахту жаль,—
С нею был я уж очень дружен.
Вот и „Стрепет“ опять не ржал,
Видно, знает, что я контужен.

Значит, знает мой верный конь,
Что его коногону больно,
Что рассыпал я свой огонь
По подземной кривой продольной.

Не тоскуй, не горюй, голубок.
Что же делать? Видать, так нужно...
Ой, и ноет дрянной мой бок,
Не могу довести до конюшни...

Распростимся, подземный друг,
Ты здоров, а я, видишь, заржавел...
На уклоне услышал вдруг —
На прощанье мне заржал он.

Говорили в больнице днем:
Бредил я и неясный лепет
Передал для других одно:
— Человек ты, мой милый „Стрепет“!

Знаю,— доктор мне тоже врет,
Будто скоро опять загарцую
(„Подождите, вот время придет,—
Скоро легкое вам зарубцую“)

Нет, истрепаны легких меха,
Обтопалися ноженьки-шины...
Доктор, слышите, смерть — чепуха,
Под землей заживут машины!

Он идет этот сильный век,
Слышу грохот и лязг его брони.
На всю шахту один человек
Будет, будто шутя, коногонить.

Добрый доктор, хоть вам бы жить,
Когда землю машины облепят...
Жаль, пред ними вот он задрожит,
Мой подземный товарищ „Стрепет“.

Д. БИРГЕР

Н. К. П.

С работы вернешься
под шарканье ног
праздных,
привыкших с тобой бок-о бок
асфальтом раскатывать
легкий громок
пустых папиросных коробок.
Пусть клацает зубом, считая шары,
азарт биллиардного завсегдатая, —
в твоей комнатушке
огонь горит,¹
примус гудит
и разводит пары,
И будет гудеть
и пылать до зари

твоя голова патлатая.
Рядом,
в квартире зубного врача,
храпя добросовестно,
жирно урча,
ворочаются за стеною,
а здесь,
над чертежным столом твоим,
осыпая окурки,
шатается дым
трав и покосов,
обугленных зноем.

Небо карежит, и рвет суховой
дыханья волжских небес,
и в тревоге
шумная влага
отваги твоей
рвется сквозь ребра
полям на подмогу.
Каплей последнего сока
помочь
готовый,
ты пробуешь то и это.
Идет беспощадная
душная ночь,
ждушая,
требующая ответа.
Ты стойким раствором
питаешь зерно,
ты воду качаешь

из сердца планеты.
Но нет!
Все не то!
Проступает окно
на кальке синеющего рассвета.
Ах, если б вот так:
повернуть рычаг,
чтобы на засуху,
на недороды
двинулись ветры и тучи
тотчас,
беспрекословно исполнив приказ
Народного Комиссариата Погоды.
И сердце гремучее
будет гудеть,
пока не войдет без остатка
в завтрашнюю
пятилетку дождей,
в контрольные цифры
осадков.
Ты фантазер,
мой угрюмый собрат.
Но он отвечает за автора:
— В наши бессоницы
не разобрать,
не отличить
сегодня от завтра.

МИХ. ФРИДЛЯНД

О ВЕТРЕ

Комсомолу

Ветер!

Ему приносили стихи

Всех наречий поэты,

Он символом слыл всевозможных стихий —
Разнузданный, буйный ветер...

Колко и жгуче задули норд-осты,

И терпким матросам от них
не догреться.

Он хлещет в судна перекошенный остов,

Богом прославивший в древней Греции.

Бешеным воем промчался по крышам,

Миг, и умчался, на скрипках играя...

„Спи, мое милое — черти, ты слышишь?“

И няни детей справедливо пугают.

Хозяева крыш на ветер негодуют,

И в страхе большом унимаются дети...

А он и поныне без дела дует,

Чортов бездельник

ветер.

У нас по иному: другая эпоха —

Иные стремленья, иные задачи,

И ветра шального чрезмерную похоть

Надо моторами озадачить.
Надо, чтоб ветру по праву иметь
Место, где расположены
Такие проблемы, как „уголь“ и „медь“
И много других — неотложных..
Чтоб, если с углем нам придется туго
И если иссякнут подземные недра,
Бился в турбинах новый уголь—
Голубой уголь ветра.

Полтава

ЛЕОНИД ВЫШЕСЛАВСКИЙ

УДАРНАЯ НОЧЬ

Ветер весны разворачивал силы

Ветер,

    Как мускул,

        Над нами окреп.

Мы на „фордзонах“

    Гремя проносились

Мимо колхоза

    в тяжелую степь.

Ночь расплывалась

    сереющим дымом.

Степь

    шелестела травами.

Я возле плуга

    сидел с бригадиром

Нашей

    ударной тракторной.

Ветер вздувал

    его черные волосы,

Он на колхоз

    обернулся назад.

И отчеканенным,

    звонким голосом,

Шапку надвинув на брови,

    сказал:

„Я хорошо
эти степи знаю,
Здесь когда-то
под конский скок,
Гривой развеяв широкое знамя,
Гнал Петлюру
наш красный полк“...
... Ворочался руль
под привычной рукой.
Нас сильно трясло
и на кочках бросало.
На грузных колесах
с обоих боков
Взбухало землистое,
черное сало.
У дисковых плугов
стоял на посту я.
Мы ночь раздвигали
колесным ребром,
Такую же черную
и густую,
Такую же липкую,
как чернозем.
.....
Земля уступала
напору людей...
Превышенным планом
мы встретили день!

Харьков
1931 г.

Песня

...Великой армии труда.

Проведена

под песню

многоголосую

По землям, разорванным чересполосицей,

Социалистическая борозда.

Колышется

в сеялках

многорядных

Формалином протравленное зерно,

Поле—на участки,

люди—на бригады

Разбиты.

Точное задание дано

Каждой выступающей бригаде заранее,

Но ударник, победами горд,

С нормами не мирится,

в соревновании

Побивая за рекордом рекорд.

„На втором участке ударная бригада,

„Катерпиллером“ работая десять часов,

С агрегатом в 5 двадцатитрехрядных,

90 га засеяла овсом.

Соревнованием и конвейером

Громили расхлябанности редут,

Не было простоев—

зерно в сеялки

Насыпалось на ходу.

Это—большевистские темпы.

Вот как

Надо работать, не теряя зря
Времени горячего". (Экстренная сводка
Полевой газеты „Колхозная Заря“).
Смены не дождался на первом участке
Тракторист,

по мнению врача,
„Смена“ заболела:
пульс частый,

Кожа наощупь горяча.
Но переменником образцовым
Тракторист был
не спроста.

Помнит правило часового:

Не сменили—
не сходи с поста.

И если подумать,—разумеется,
Словно азбука,
вывод прост:

Разве он сегодня—
не красноармеец?

И разве трактор—
не пост?

Значит, оставаться на вторую смену!
Ведро воды на голову—
усталость прочь!..

...К полю подползала серой тенью
Украинская...

штурмовая ночь.

В. КОНДРАТЕНКО

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ

Гр. Литваку

День встает веселый, тарабарящий,
Окликают радостно меня
Лучшие мои товарищи,
Мастеров идущие сменять.
Так недавно пьяная Заиковка
Ночи напролет за картами не спала,
И в садах над нею в хулиганском гике
Звезды разряжались самопалами.
Мы оравой лапали девченок,
И, шпаны заиковской глава,
На расстрел, быть может, обреченный,
Я бродил суров и угловат.
И зимой жестокие кулачки
Взбудораживали парней снова,
Мы, рубахи кровью перепачкав,
Гнали Москалевку и Основу...

Но однажды, в темноте порезанный,
Я к станку пришел испуганный и злой,
В эту смену мне приладить фрезы
Помогла ты опытной рукой.
И всего надежней, горячее,
Жизнь учебкою проняв,
Комсомольская ячейка
Стала переделывать меня.
Заводское время шло на самоходе—
В перерыв, когда цеха тихи,
Приходил товарищ Карогодин
Слушать первые мои стихи.
В сторону подав каретку,
Ты мне руку клала на плечо,
И звучали строчки словом метким—
Смело, яростно и горячо...
И теперь, да разве мы не рады,
Если, сердце песней приподняв,
Возглавляет лучшие бригады
Выкованный в штурмах молодняк.
Самолеты пролетают низом,
Заливает Петенку заря...
В будущую осень позовут на призыв—
Догоняя, мне ребята говорят—
Командиры не нахмурят брови,
Мы идем и знаем наперед:
И борьбе и стройке вровень.
Девятьсот одиннадцатый год.

1932 г.
Харьков

Г. ИВАНЦОВ

ШТУРМ НА ТРАКТОРНОМ

Ветер бешен
    порывом ночи,
он в цеху
раскачал фонари.
Комсомол,
    инженеры,
    рабочие
штурмом
    идут на прорыв!
Мы склонять не привыкли знамена
Над барьером помех.
И уверенные колонны
наполняют
    отставший цех.
Чудеса создающая воля
в каждом взмахе
    упрямых лопат,
человеческим
    бьется прибором
о сырой массив
эстокад.
Даже ветер
    охвачен порывом

и сдувает с носилок песок,
и своей

безалаберной силой,

если б мог,

он бы тоже помог.

Последний

тяжелый грохот

затопили

лучи зари.

В эту ночь

никто не работал плохо..

Мы

ликвидировали прорыв.

Харьков

БОРИС КОТЛЯРОВ

СТИХИ О САШЕ ЛАДОГИНЕ

I.

Огромный стадион
До отказа переполнен
Восторженным ветром блуз и рубак,
И Сашка
Выбегает
На футбольное поле
С десятком отчаянных
Друзей - рубак.

Выбрасывает поле — буйная дорога
На тысячу глаз.

И покой
Надломлен:
Встречает стадион любимцев города —
Одиннадцать парней —
Грохотом ладоней.

Навстречу выходит приморская команда.
Загорелые ребята.

Аж ветром понесло...

„Сашка. Друг мой.

Убиться надо...

Накладут нам черноморцы

По первое число“.

Выбрасывает поле

На тысячу взглядов.

Стой и не дрейфь под суровыми взглядами.

Два друга,

Два бека

На поле рядом—

Фартовый „Мима“

и Сашка Ладогин.

— „Брось ты „Мима“,

Губы развесил,

Трусливая голова.

Так я ж даю ж тебе честное слово,

Что этому не бывать!

В себя ты что ли не веришь?

Или забыл игру?

Или у наших похуже

Ноги, плечики, грудь?

Игра начата.

Мяч срывается

И ногу обжигает горячо.

Игра начата.

Стадион напрягается

И водит глазами за мячом.

Ноги пружинят. Перетянутые буцы

От нетерпенья аж землю трут.

Два бека

На поле

Друг другом любят,ся,

И Сашкин ежик сверкает на ветру.

Сашка,

Неустанно по полю мчась,

Берет форвардов в оборот.

А „Мима“

По мячу попадет не часто,

Но если уже попадает...

Вечер.

Тени, отброшенные солнцем багряным,

Поле рассекли своей длиной.

Игра продолжается так же рьяно

С результатом: ноль - ноль.

И плач оркестра,

Приходя издалека,

Тревожит утомившегося игрока.

... Идет приморский форвард,

Самый молодой,

Один среди черных с белокурой головой.

Он смотрит, беспечно щурясь,

Легко по полю идет.

Он мяч принимает на всем ходу

И мягко на землю кладет.

Потом.

Прыжок вперед.

Бросок вперед.

Скачок.

И мимо Сашки вихрем

Он пролетел с мячом.

За плечи запрокинута лихая голова.

Да падала от ветра шумная трава.

Защита ваша прорвана.

Дорога — чиста.

Летит приморский форвард

На ваши ворота...

Догнать.

Догнать.

Иначе — погибель.

Иначе — засмеет братва.

... „Так я ж даю ж тебе честное слово,

Что этому не бывать“.

Трибуны.

Оркестр

Затаили дыханье в горле.

Голкипер в воротах пальцы растопырил.

Маленький фотограф большого города

Аппарат приспособливал торопливо.

И внимательный аппарат поднимался
на цыпочки.

Фотограф приподымался вместе с ним.

Он видел:

в газете, снимками усыпанной,
напечатан квадратный маленький снимок—
на нем, запрокинув светлую голову,
парень застыл с занесенной ногой,
и подпись:

„Форвард приморского города,
прорвавшись, забивает первый гол“ ...

Но вдруг. Что это?

В сторону,
Жужжа, как камень,
Ужаленный взлетает мяч,
И форвард, вскинувши руками,
На поле падает плашмя.

Растерянный аппарат щелкнул нечаянно,
Раздирая круглое, удивленное око.
Фотограф постарел. С лицом печальным
Сел на землю и отдышаться не мог он.

С размаху

Уткнувшись в траву головой,
Лежало раскинувшись молодое тело.
Свистел судья.

Доктор бежал с братвой.
И Сашка, сгорбившись:

„Я ж... не хотел...“

А трибуны, прорвав молчавшие глотки,
К разъявленным ртам приложив ладонь,
Одного из любимцев оглушают грохотом:
„Ладогина... а...

С площадки...

Доло - о - ой!“

Лежит на поле удивленный мячик.
И, перегибаясь с трибун дощатых,
Свистят пацаны, завсегдатаи матчей:
„Сашку..у.. Ладогина..а — с площадки..и!“

И вот он бродит, сутулясь.

И не может сосредоточиться.

Оттого... что здесь

На дорожках

Цветы шумят.

Оттого...

Что слышно с досадной отчетливостью,
Как стучает тяжелый мяч.

Горячий вечер прохладой поредел.

А пыльный ветер

Улегся и утих...

Сашка!

Хорошенькое дело?!

Как это так

— Уйти!?!

Сашка,

Ты набедокурил.

Не бранись и не тужи —
Хрупкий форвард белокурый
Получил лихой ушиб.

Так прими ж наказание без ругани
От сотни друзей твоих.

Там на поле

„Мима“ - друг

Работает за двоих.

Ребята знают цену тебе.

Ребята любили тебя.

Так разве ж разлюбит тебя

Теперь

Кто-нибудь из ребят?

Склонился доктор над повязкой,

Над бледным лицом паренька.

И слабую руку сжимает ласково

Сашкина огромная рука.

Форвард открывает большие глаза.

Нога в бинтах тугих.

Глянул на Сашу

И сразу узнал

И ответил пожатьем руки.

А у Сашки тень от веселого ежика

Дрожит на глазах голубых.

Он смеется,

И форвард смеется тоже:
„Ну и медведь же ты,—
Чуть не убил“.

2.

— Саш, вставай.
Распахни окно.

А день такой выходной...
Такой безупречно чистый день.
Плавает солнце, как пузырь на воде.
Ребята на поле накачивают мяч.
Ребята тебя ожидают на матч.
Только выйди

День гонять, играя.
У тебя и майка голубая...

Но там далеко, отсюда не слышать,
Глубоко и глухо содрогаются цеха.
Парень по солнцу вагонетку провез.
Убегает голосистая кукушка - паровоз.
И, слушая цеха, в удушьи комнат
Старик открывает заседание завкома.
Когда обеденный перерыв,
Ребята столпятся, окна раскрыв.
А день за окном безупречно чист.
На площадке за заводом прыгают мячи.
... И, в воздух вскинув руки легко,
Парень летит над прохладной рекой...

В твоём ремонтном,
где тоже прохлада,

В ячейке
Неотложные дела.
Придешь, и толпа чумазных ребят
Наперебой с вопросами обступит тебя.
Ты, умытый и выходной,
Сверкаешь майкой голубой.
На день,

Знаю, хватит заботы.

Будешь до вечера здесь на заводе...

Раньше думал:

Обязанность, необходимость

Дескать, надо и только,

Зубы сжав.

Нет. Понимаю —

Завод продымленный,

Завод, в котором

Замерзали заживо,

В котором сгорали,

Любили,

Вместе с которым праздновали,

В котором

Нам даже морду били,—

Может что заменить разве?

... Тут, Саша,

С тобою девченка была,

С которой ты ночи делил пополам,

С которой, с которой

Студенные дни

Далеко, далеко

Бродили одни...

Седой завод —
Всем пережитым тянет к нему.
Его,
Изученного до малости,
Не может не любить,
Хотя бы потому,
Что он —
Это наша
Молодость.

Харьков
1932 г.

НИК. УШАКОВ

ЗИМНЯЯ ФИЗКУЛЬТУРНАЯ

День сияет рыженький —

Щеку ожег.

Затевают лыжники

в небо прыжок.

Не тебе - ль шестнадцатый,

в высь влеком,

хочешь состязаться ты

с облаком,

не задевши кончика

струнной сосны?

Вот какие гонщики

нашей страны!

Командиры,

токари,

диспетчеры

у печей затопали

вечером.

А сквозь двери на реку

пар идет.

Синие фонарики,

синий лед.

Мимо серо - красного
шарфа взмах.
Холода отпразднуем
на коньках.

Ах, какие девушки
есть у нас!
Перегонишь, где уж там
их как раз!

Инженеры,
летчицы,
школьницы, —
Перегнать их хочется,
да колется.

Как стихотворения,
их
лет
быстр.

В синеве курение
снежных искр.

На носках по лестнице
ловок бег,
над жаровней свесится
нож норвег.

Утром на работу нам, —
знаешь сама.

На рассвете вот она
наша зима:

Окна кухонь
вспыхнут —
обуглятся.

Шубы,
шубы
(хоть и глухо).

По улицам —
токари,
монтажницы,
школьницы.

Звезд то сколько!
Кажется,
колются!

Киев